

РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 81'373.2
81'286

Гордова Ю.Ю.

Институт языкознания Российской Академии наук

РОЛЬ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДАННЫХ В ИЗУЧЕНИИ ДРЕВНЕЙШЕЙ ОНОМАСТИКИ РЕГИОНОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СРЕДНЕГО ПООЧЬЯ)

J. Gordova

Linguistic Institute of the Russian Academy of Sciences

THE ROLE OF LINGUISTIC DATA IN THE STUDY OF THE ANCIENT REGIONAL ONOMASTICS (BASED ON THE SOURCES OF THE REGION OF THE MIDDLE OKA)

Аннотация. Лингвистические данные являются одним из источников при изучении древнейшей ономастики регионов. Они позволяют интерпретировать имеющийся материал с точки зрения его языкового происхождения, а также установить принадлежность корпуса топонимов группе носителей того или иного диалекта. В статье дается теоретическое обоснование эффективности сопоставления лингвистических и ономастических данных и на материале топонимии Среднего (Рязанского) Поочья демонстрируются возможности подобной корреляции с указанием направлений дальнейших региональных исследований.

Ключевые слова: региональная ономастика, языковая карта России, диалектное членение русского языка, межъязыковые контакты, сопоставление лингвистических и ономастических данных.

Abstract. Linguistic data are the source of the study of ancient regional onomastics. They allow to interpret the available material in terms of its linguistic origin, as well as to establish the belonging of a group of toponyms to the speakers of a dialect. The paper provides a theoretical justification of effectiveness of comparing the linguistic and onomastic data, and basing on the toponymic material of the Middle (Ryazan) Oka demonstrates the possibility of such correlation, indicating directions for further regional studies.

Key words: regional onomastics, linguistic map of Russia, the dialectal division of the Russian language, cross-language contacts, comparison of linguistic and onomastic data.

Одним из важных источников при изучении ономастики региона в ее древнейшем состоянии являются лингвистические данные. К ним могут быть отнесены факты распространения языков, а также диалектов внутри отдельного языка. Ценность этих сведений заключается прежде всего в том, что они позволяют интерпретировать имеющийся ономастический

материал с точки зрения его языковой принадлежности, а в ряде случаев помогают в датировке топонимов.

Если говорить о современной Центральной России, то языковая среда большинства образующих её регионов является преимущественно русской. Это означает, что имеющиеся лингвистические факты, связанные с историей данного языка и существенные для изучения древнейшей ономастики, хронологически ограничены (нижняя граница) временем славянского освоения данной территории. При восстановлении картины прошлого они информативны только для славянского (древнерусского) ономастического пространства.

Согласно существующей периодизации истории русского языка, в VI-VII вв. происходит выделение восточнославянского (древнерусского) языка из общеславянского единства (в IX в. в среднем течении Днепра возникает феодальное государство Киевская Русь); в XIV в. начинается его деление на три языка; в XV-XVII вв. происходит окончательный распад единого восточнославянского языка, возникает язык великорусской народности (ведущая политическая роль в это время переходит к северным и северо-восточным русским землям: Владимиру, Суздалью, Ростову и др.; усиливается феодальная раздробленность; в XV в. создается обширное государство Московская Русь) [6, с. 113, 439-441]. Уже во вт. пол. XII – перв. пол. XIII вв. в языке складывается ряд диалектов: новгородский, псковский, смоленский, ростово-суздальский, акающий диалект верхней и средней Оки и междуречья Оки и Сейма [6, с. 440]. Каждый из них являлся языком жителей относительно обособленной территории (княжества, области) и преемником диалектов древних племён и племенных союзов, некогда осевших здесь. Именно тесная связь с региональным фактором делают диалекты не просто лингвистическими, а лингвогеографическими единицами и позволяют эффективно использовать сведения о них в региональных топонимических исследованиях.

При реконструкции ономастического пространства в его древнейшем состоянии заманчивым представляется интерпретация имеющегося материала не только с точки зрения языковой принадлежности, но и – если речь идёт о собственных именах одной языковой системы (в частности, древнерусской) – с точки зрения их принадлежности к той или иной социально-языковой группе – группе носителей определенного диалекта.

Решить эту задачу позволяет языковая характеристика региона, отражающая диалектное членение русского языка.

Говоры Среднего Поочья являются в этом отношении весьма показательным и любопытным материалом ввиду своей неоднородности. Несмотря на приуроченность к одному региону, сложившемуся исторически, они относятся к разным группам южного наречия и к разным типам среднерусских говоров, причем северная граница южного наречия совпадает с северной границей бассейна главной реки рязанской территории – Оки. Левобережье Оки является не только своеобразной границей перехода среднерусских и южнорусских говоров, но и поясом их диффузии – так называемой «зоной вибрации». Две зоны, покрывающие территорию Рязанской области, хорошо видны на карте диалектного членения России (см.: Диалектологический атлас русского языка. (Центр Европейской части СССР). Москва, 1986 [6, Приложение к словарной статье «Диалектология»]).

Говоры северо-восточной части рязанской территории относятся к Восточным среднерусским акающим говорам, говоры остальной территории – к Восточной (Рязанской) группе южного наречия.

Говоры северо-восточной части характеризуются умеренным яканьем, «г» взрывным, цоканьем, утратой интервокального *j* с последующим стяжением гласных в глагольных формах.

Юго-западная часть рязанских говоров характеризуется ассимилятивно-диссимилятивным яканьем, ударным «е» в положении

между мягкими согласными, перед твердым согласным (вместо «о» литературного языка и других говоров), «г» фрикативным и другими особенностями [3, с. 408].

Внутри групп обнаруживаются отдельные типы диалектных различий.

Так, среднерусские говоры Рязанской области представлены двумя отделами: касимовским (отдел Б, занимает преимущественно бассейн р. Пры, характеризующие черты: еканье и иканье, цоканье, преим. твёрдое, формы (*идти*) с *бабуи*, по *грязе*, на *нагаф* и др.) и кадомским (отдел В, занимает бассейн р. Мокши, характеризующие черты: *оро* вместо *ор*, формы *купцох* вместо *купцов*, *мбжу* вместо *магу*, *любю* вместо *люблю*, *плесть* вместо *плести*). Кроме того, отмечается отличие говоров северо-восточной части от говоров северо-западной. Исследователи предполагают, что на жителей северо-западных районов оказали влияние переселенцы южных районов, носители южнорусских говоров, и произойти это могло во время повторной колонизации территории в XIV-XV вв. в связи с обострившейся военной обстановкой в регионе (регулярные набеги татаро-монгол) [3, с. 410].

Внутри южнорусских говоров (Рязанская группа) выделяют говоры Богословщины (район в западной части области в междуречье Оки и Прони), для которых характерны дифтонгические гласные *уо*, *оу*, *ие*, *ей*, неполное смягчение гласных перед «е», элементы умеренного яканья, еканья, формы типа *ходю*, *просю* и др. Исследователи отмечают, что за пределами Богословщины подобные особенности встречаются в «мещерских» говорах северо-востока Рязанской области, что заставляет видеть в языке междуречья Оки и Прони островок, оторвавшийся от большого мещерского острова. «Получается, что говоры района Богословщины несут в себе «сгусток» целого ряда своеобразных и архаических языковых черт на компактной, исторически сложившейся территории. Подобное сходство, несомненно, является свидетельством ранних исторических контактов населения

Богословщины и Мещерского края в прошлом» [3, с. 410]. Связь данных территорий была прослежена и на материале лексикотематической группы «Названия народной одежды Рязанской области» Е.П. Осиповой, результаты сопоставлений представлены на картах одноименного тематического лексического микроатласа [4].

К сожалению, мы не располагаем достаточными сведениями о времени формирования говоров Среднего Поочья, однако если исходить из указанной выше даты – вт. пол. XII – перв. пол. XIII в., то можно говорить о том, что к этому времени был в известной степени организован и топонимический ландшафт территории. Здесь уместно упомянуть и мнение Г.П. Смолицкой, которая на основании изучения топонимических ареалов Среднего Поочья пришла к выводу, что они сформировались уже к XIII в. [7].

Не все диалектологические факты могут быть использованы при исследовании древнейшей ономастики региона. Связано это с тем, что формирование языковой картины территории продолжалось и в средние века вследствие перемещений населения, в том числе и носителей иных диалектов. Показательна в этом отношении локальная группа окающих говоров на востоке Рязанской области, имеющая сходство с владимирскими говорами (которые характеризуют, помимо оканья, произношение «у» вместо «о» в начале слова во втором предударном слоге (*утопри*) и другие признаки). Наличие данной группы объясняется не ранними связями двух территорий, а тем, что в XVII в. сюда были переведены крепостные крестьяне из владимирской вотчины одного из князей, получившего земли на рязанской «украине» [3, с. 411], эти крестьяне-владимирцы «привезли» на новое место проживания и свои языковые традиции.

Тем не менее, имевшая место и в ранние периоды истории княжества диалектная неоднородность территории означает, что ее насельниками были представители разных славянских групп, отличавшихся (в большей

или меньшей степени) в культурном и языковом плане. А значит, должны иметь место и различия в характере топонимических традиций, перенесённых ими из прежних мест проживания, и, как следствие, неоднородность топонимической системы, представляющей единый регион и одно княжество.

На различный характер топонимии Среднего Поочья указывают многие исследователи, однако в основном подобные заключения основаны на противопоставлении русской и субстратной топонимии и почти не затрагивают отношений внутри русской ономастической системы.

Особый интерес для дальнейших исследований должны представлять в этой связи следующие вопросы: а) распределение на карте региона архаичных топонимических основ, моделей древнерусского типа; б) распределение топонимов, представляющих одну топооснову, но отражающих разные диалектные черты (*Алешня – Алёшня – Елошня, Брусна – Брусена* и под.); в) связь рязанских названий с названиями основных ареалов, отражающих те же топонимические явления в других регионах России (например, «южные», «северные» топоосновы). При решении этих проблем исследователь обязан обратиться к картографическому и ареальному методам, а после составления региональной топонимической карты – сопоставить ареалы топонимических и диалектологических фактов, что позволит сделать выводы о принадлежности рассматриваемых топонимов или топонимических элементов к той или иной социально-языковой группе – группе носителей определенного диалекта, о чем говорилось выше.

В свою очередь, проведенное сопоставление может оказаться информативным и для диалектологии. Еще в 1981 г. специалист по топонимии и диалектологии Г.П. Смолицкая отмечала: «Топонимические (и гидронимические) данные<...> могут изменить мнение о ранней географии и диалектной принадлежности слова, сложившееся в результате недостаточной отраженности его в памятниках письменности и претерпевшего

с течением времени значительные семантические, ареальные и другие изменения» [7, с. 19]. Однако, к сожалению, за прошедшие 30 лет, несмотря на активное развитие региональной ономастики, ни топонимистами, ни диалектологами не были сделаны шаги в этом направлении.

В особых лингвистических комментариях нуждаются территории со смешанным этническим составом, входящие в состав Российской Федерации, такие как Поволжье (Пенза, Сызрань, Саратов, Самара и др.), Урал, некоторые области Центральной России. Как известно, в таких регионах, наряду с русским языком, являющимся языком межнационального общения, функционируют и другие языки. Некоторые регионы являются пограничными в зоне распространения тех или иных языков. Показательна в этом отношении территория Смоленской области, где соприкасаются русский и белорусский языковые ареалы, кроме того, в разные годы русский язык здесь испытывал мощное воздействие польского и украинских языков [2, с. 35-37]. И даже в современной Рязанской области, которая является относительно однородной в языковом отношении, локально представлены мордовский, татарский и некоторые другие языки. Наличие особых зон на языковой карте области обусловлено историческими причинами: они являются временной проекцией древнейшей этноязыковой ситуации в Среднем Поочье, известной, прежде всего, благодаря летописному свидетельству: «... По Оце реце где втечетъ въ Волгу языкъ свои Мурома, и Черемиси свои языкъ, и Мордва свои языкъ...», «...а се суть инии языци, иже дань дают Руси: Чудь, Вель, Меря, Мурома, Черемись, Мордва...» (*Повесть временных лет*) [5, с. 8].

Языковые особенности неизвестных ныне народов, упомянутых в приведённых отрывках, остаются до сих пор не изученными. И.Г. Добродомов, затрагивая в одной из своих статей вопрос языковых контактов ранних славян, проникших в Поочье, с проживавшими здесь финно-угорскими народами

мурома и мещера, высказывает интересную мысль о том, что язык последних можно было бы более или менее точно определить на основании известных заимствований из финно-угорских языков в древнерусском языке, топонимов и диалектных слов этих мест (в частности, в статье речь идёт об архаичном корне с полногласием *колом-* из финского корня *kalma*, который присутствует в окском топониме *Коломна*). Однако, как отмечает автор, «...эта задача пока даже не ставилась во всем масштабе», и потому указанные летописные племена и их язык остаются для нас до сих пор загадочными [1, с. 68-69], что делает сами факты об их существовании в прошлом, в отличие от диалектологических фактов, малоинформативными при решении проблемы реконструкции топонимической картины исследуемой территории.

Напротив, сведения о строении мордовских языков (эрзянского, мокшанского) и их истории, благодаря относительно хорошей изученности, наличию грамматик, словарей и иных научных трудов, оказываются весьма существенными для исследований по топонимии регионов, находящихся за пределами современной республики Мордовия. Эти сведения помогают выделить в корпусе географических имён Среднего Поочья топонимы с характерной для топонимии финно-угорского происхождения структурой, помогают этимологизировать отдельные названия, а также решить спорные вопросы о языковой принадлежности той или иной топонимической модели, в ряде случаев именно на основании её территориальной приуроченности к историческим зонам распространения языков данной семьи.

В частности, финно-угорскую (древне-мордовскую) трактовку получают топонимы следующих структурных типов, широко представленных в Среднем Поочье: на *-ша* (*Моша, Вопша, Курша*); на *-кша* (*Лакша, Коллакша, Селекша, Шумокша, Серокша, Шокша, Мокша, Вокша*); на *-ус, -ос* (*Улус, Истус, Лукмос, Киструс, Кудрус, Ерус, Толас*); на *-ес* (*Шипес*).

Считается, что до рязанской территории доходила в прошлом зона распространения балтийских языков (индоевропейская языковая семья). Границы этой зоны определяют преимущественно по гидронимии так называемого балтийского типа (на *-еса, -аса, -оса, -ане*). Однако ее существование или трактовка топонимов как балтийских признается не всеми учеными, что оставляет вопрос открытым. Также не исключается связь некоторых названий территории с тюркскими языками.

Вместе с тем, богатая культурно-языковая история региона делает весьма непростым, а иногда невозможным решение вопроса интерпретации топонимов на основании языкового материала, относящегося к межъязыковым заимствованиям: мордовско-тюркским, балто-мордовским, балто-славянским, славяно-мордовским и т. д. Вполне очевидно: для того чтобы топонимика могла опираться на лингвистические материалы, нужны серьезные узкоспециальные и, возможно, совместные исследования в этой области тюркологов, финно-угроведов, специалистов по балтийским и славянским языкам.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Добродомов И.Г. Город Коломна (топонимический этюд с источниковедческими экскурсами) // Топонимия России / Отв. ред. Р.А. Агеева, А.В. Барандеев. – М.: Русское географическое общество, Московский центр, 1993. – С. 55-73.
2. Королёва И.А. Словарь фамилий Смоленского края. – Смоленск: СПГУ, 2006. – 368 с.
3. Осипова Е.П. Диалекты Рязанского края // Материалы и исследования по рязанскому краеведению / Отв. ред., сост. Б.В. Горбунов. – Т. 13. – Рязань: Узорожье, 2008. – С. 407-419.
4. Осипова Е.П. Язык рязанского костюма. Наименование элементов народной одежды в рязанских говорах // Рязанский этнографический вестник / Гл. ред. В.В. Коростылёв. – Рязань, 2004. – 140 с.
5. Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская Летопись (изд. 2) / Воспр. текста изд. 1908 г. – М.: Изд-во восточной литературы, 1962. – 576 с.
6. Русский язык: Энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2003. – 704 с.
7. Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки в её отношении к истории словарного состава русского языка (проблема реконструкции): Автореф. дисс. ... д. ф. н. – М., 1981. – 36 с.